

Дмитрий Вилинский

Перед облавой

Дмитрий Александрович Вилинский

Перед облавой

Аннотация

«Одно слово «облава» на хищного зверя имеет в себе что-то заманчивое для каждого мало-мальски знакомого с ружьем, не говоря уже про истинных охотников. Хотя горький опыт научил настоящих охотников тому убеждению, что наши облавы истребляют гораздо больше самых невиннейших животных, чем хищных зверей, однако есть все-таки что-то притягивающее в облаве: мало веришь в удачу, а между тем этого желанного дня не променяешь ни на какую самую верную охоту...»

Дмитрий Вилинский

Перед облавой

*По народу толки, да толки –
Одолели волки, да волки...
Сделали облаву, облаву –
Вытили на славу, на славу...*

Одно слово «облава» на хищного зверя имеет в себе что-то заманчивое для каждого мало-мальски знакомого с ружьем, не говоря уже про истинных охотников. Хотя горький опыт научил настоящих охотников тому убеждению, что наши облавы истребляют гораздо больше самых невиннейших животных, чем хищных зверей, однако есть все-таки что-то притягивающее в облаве: мало веришь в удачу, а между тем этого желанного дня не променяешь ни на какую самую верную охоту. Тянет ли человека в общество себе подобных или до того уж сильна в нем ненависть к хищному зверю, не умею объяснить, но знаю, что облавы не пропустит ни один охотник и употребит все возможное, чтобы побывать на ней. Досадно одно только, что все хлопоты и труды, соединенные кроме того с издержками, пропадают чаще всего задаром. Придумывается все так хорошо, а начнут делать дело, и выпадает оно из рук, и ахнуть не успеешь... а все оттого, что задним умом крепок русский человек.

Много раз бывал я на облавах в течение 6 лет моей охотничьей жизни, и результаты этих облав так живо сохранились в моей памяти и записной книжке, что мне, честное слово, как охотнику, совестно и рассказывать про них...

Сделали облаву, облаву –
Выпили на славу, на славу!..

А все-таки даже вовсе не пьющий человек с большим удовольствием делается участником облавы и спешит на нее с самыми живыми надеждами... Кто виноват, что эти надежды разлетаются, как мыльные пузыри? «Авось», один «авоська» да родной братец его задний ум русского человека...

«Облава, в среду облава», – так и гремит из уст в уста по городу... «Где, что, как?» – сыплются отовсюду вопросы...

«В среду поеду волков душить», – говорит между разговором своему знакомому учитель местной гимназии, и говорит с такой самоуверенностью, что тот, пожалуй, готов у него выпросить тут же один из хвостов тех злополучных зверей, которых в среду собирается передушить Александр Андреевич.

Лакеи разных лиц и личностей тащат запыленные двустволки к единому в городе оружейнику для чистки и смазки.

Заседатель какого-то суда, молоденький, завитой, что называется, расфуфыренный, бежит, сломя голову, к началь-

нику инвалидной команды ружьецо попросить, и сей начальник из немцев, кстати и некстати прикладывающий к каждому слово «с», чтобы оно, значит, выходило более auf russisch, и для пущей важности дающий почувствовать всем и каждому, что он, майор и некоторым образом «комендант» города, снабжает заседателя ружьем, а тот, вечером сидя в гостях у почтмейстера, с особенной грустью при «ногоболтающем» настроении, как выражается про него приятель мой Панков, рассказывает дочке хозяина Марье Сергеевне, что вот он в среду едет на облаву и что, может быть, не возвратится, так как волк зверь кровожадный, а волков на облаве видимо-невидимо! на то, дескать, и облава... Впрочем, выражает он, Марья Сергеевна благословит его на подвиг и тогда...

Марья Сергеевна, понятно, ужасается отчаянной храбрости завитого вздыхателя и даже немного прижмуривает свои милые глазки, а насчет благословения уж и не знаю, как там...

Даже с нашим братом привычным охотником совершается нечто. И ружье протрешь, не то и промоешь, и снадобий разных припасешь, и к товарищу лишний раз забежишь... «Слышал?» – «Знаю». – «Да верно ли?» – «Верно, зайди вечером, столкнемся...» Ну и сойдутся, и столкнутся, хотя, может быть, при этом и ногой из них никто не болтает, и глаз не зажмуривает... А уж что делалось в эти дни с моим взбалмошным племянником Гришей, гимназистом VI клас-

са, я вам и рассказать не умею... Мало того, что он вдребезги растрепал сапоги, мало, он получил две единицы и наговорил дерзостей надзирателю гимназии – самому безответному и правдивому из всех существовавших и существующих каких бы то ни было надзирателей...

В августе это было, в лучшую пору облав, когда волчьи выводки хотя и рыскают там и сям, а все еще держатся гнезда и утром сходятся к нему на лежку. Находить их в ту пору легко и при осмотрительности нетрудно перебить и стариков, и щенков всех до одного.

Помнится, перед облавой я был в отъезде из города и возвратился едва в понедельник поздно вечером. Служитель мой старик Степан, один из тех людей, которые на все в жизни смотрят с отчаянной холодностью и невозмутимостью, к одному только, к одному имел пристрастие – к охоте... Собираетесь вы с ним на охоту – скажите ему это заранее и можете быть совершенно уверены, что он вам и сапогов не вычистит, и пару стаканов разобьет, и котлеты обратит в какие-то угольные гренки... «Ты, братец ты мой, в лирическом настроении, – осаживает его обыкновенно Панков. – Успокойся, ты не поедешь с барином на охоту...» Степан только нахмурится и отвернется в сторону.

Степан, отворяя дверь, встретил меня словами: «Облава, сударь, у князя М., присылали письмом просить – Григорий Дмитрич изволили взять, да почитай раз по двадцати на день бегают справляться об вас... и г. Панков заходили, а вот и от

учителя письмо прислали давеча». Степан подал мне письмо и пытливо вглядывался в меня своими ястребиными глазками.

Поручив Степану немедленно напоить меня чаем, я пробежал письмо, в котором Александр Андреич С-в просил меня захватить его с собой на облаву. «Верно, поедете тройкой – вы, Панков и Гриша, так авось и для меня найдется местечко, – писал С-в, – уж зададим же мы трезвону в лесу его сиятельства – теперь-то я вам покажу, как бьет мое ружье, и только тогда будет понятен Панкову мой выстрел по лилице». В Р. S. он прибавлял: «Гришу выручу – директор обещал его освободить...»

Пока продолжалось мое чаепитие, время незаметно подошло часам к трем ночи, наконец, я уснул, уснул сном богатырским с полной надеждой, что Степан не позволит потревожить меня часов до 10 утра.

Конечно, не будь слухов об облаве, не будь у меня беспутного племянника, которого я, скажу в скобках, любил как сына родного, я бы выспался на славу, но Степан, будучи сам и «лирическом настроении», идя поутру за водой на самовар, позабыл запереть дверь моей квартиры, и Гриша ровно в 7 часов утра ворвался в комнаты; так как разбудить меня без обиняков ему казалось неловким, то он пустил в ход всю свою изобретательность: и кашлял-то он, словно с морозу, и чихал... Поднял на ноги обоих моих сетеров и все их будто успокаивал шепотом. Куда тут было спать – я его окликнул.

Гриша в один прыжок очутился у дверей моего кабинета...
«Дядя, ты спишь?»

– Скажи, пожалуйста, у вас гимназия сгорела, или ты с ума сошел, что ни свет ни заря будоражишь людей? – оборвал я его. Гришутка мой стусевался...

– Виноват, дядя, голубчик, виноват, ей-богу... прости... облава... Письмо от князя, я думал, очень важно!.. Прости!.. – И он было бросился обнять меня... Но я «угрюмый принял вид» и распечатал письмо.

В письме этом значилось:

Его В-дию такому-то.

«В имении Борках, Его Сиятельства князя М., в среду 23 августа сего года имеет быть большая облава на хищных зверей, а потому мне будет очень лестно, если вы, м. г., в видах общей пользы почтите ее своим присутствием».

Подписано: главно-упр. им. гвардии ротм. Шведов. Это был официальный пригласительный билет, на обратной стороне которого приятель мой Шведов писал карандашом: «Приезжай непременно во вторник на ночь – ничего выходящего из порядка обыкновенных вещей не обещаю, но вчера Григорий при мне подвыл, и волки отзывались два раза, следовательно, можно рассчитывать и не на порожнюю. Захвати все свои ружья да тащи без обиняков всех своих знакомых. Кто не наткнется на волка, может зашибить муху, а после облавы и пулечку растерзает... Привези непременно Гришу и Степана, иначе я прогоню тебя, милый, со двора –

без них и облава не в облаву... Князя не будет». Последние два слова «князя не будет» так меня утешили, что я позволил Грише обнять себя, и он после мира такой поднял шум, что даже собаки залаяли...

Спешу разъяснить мою радость.

Князь М., в имени которого назначалась облава, был во всех отношениях милый человек: благороден, ласков, добр и обходителен со всеми без малейшей тени приторного чванства. Всякого он умел обласкать, и в его доме в его присутствии каждый делался своим человеком. Молодой, образованный, с светлым взглядом на жизнь, покровитель всего, что только нуждается в благородном покровительстве, он вместе с тем был невольным отъявленным нарушителем всевозможных охотничьих правил: выстрелить в синицу в то время, когда на него может выйти зверь, закурить сигару перед носом напролом ломящегося волка или, соскучась стоянкой, запеть романс – все было для него делом самой мизерной важности... Правда, охотник он был не из важных, да если и делал подобные казусы, то без малейшего желанья насолить кому бы то ни было или выделиться из массы окружающих людей, а просто так, с ветру, но все-таки, любя и уважая этого человека, я всегда искренне радовался, если что-нибудь мешало ему присутствовать на облаве. Так было и теперь.

Одевшись, я отправил Гришу в гимназию с поручением по пути дать знать Панкову, а в гимназии сообщить Александру

Андреевичу, что в 2 часа я буду рад их видеть и потолковать о нашей поездке, которая должна состояться нынче же, часов в 6 вечера.

Необходимость видеться кое с кем из моего начальства и сослуживцев значительно сократила время; возвратись домой, я застал Панкова, Александра Андреевича и Гришу – дружина в сборе. Степан накормил нас сквернейшим обедом, потом мы проболтали за чаем часов до 5 и на тройке моих караковых, уютно уместившись в широком тарантасе, тронулись в путь по ухабистому шоссе.

Пока мы проедем 26 верст, отделяющие нас от имения Борок, я попрошу позволения сказать несколько слов о моих спутниках. Чтобы они ни делали дорогой, нас это не касается... Пускай Степан вертится и покашливает от нетерпения на козлах и поминутно надоедает кучеру: «Ты левую-то стегани – ишь она постромки повесила... Кореннику-то ходу не даешь, натянул вожжи, словно струны на балалайке... Эх, кучер!..» Пусть Гриша егозит, прыгает, шумит и восторгается... Пускай Александр Андреевич рассказывает всевозможные небылицы, приправляя их фразой: «Вы не поверите, ей-богу», – а Панков возражает ему хладнокровно: «А ты думал поверю?» – и трунит часто очень зло то над Александром Андреевичем, обзывая его зверобоем и правдогонителем, то над стариком Степаном, советуя ему не кормить людей вместо котлет угольями, так как он не самовар, а Егор Иванович Панков, и какой ни на есть, а все-таки «титულяр-

ный советник». Пусть же их тешатся, а я расскажу, что они за люди-охотники...

Оставляю в стороне своего вертопраха Гришу, о нем распространяться много нечего: единственный сын, любимец матери (отца он лишился еще малолетком), Гриша не был «маменькиным сынком», считался добрым товарищем и хорошим учеником в своем классе, что несколько не мешало ему получать единицы во время пагубной мысли о предстоящей охоте. Гриша питал такую болезненную страсть к ней, что, кажется, самого себя готов был принести в жертву всевозможным четвероногим и крылатым тварям. Он вообще кипел восторгом и со временем обещал превратиться из юноши, как называл его Панков, в доброго малого и вместе сделаться хорошим охотником, так как уже теперь, в 17 лет, начинал отлично стрелять.

Двадцать лет тому назад я представляю себе Егора Панкова точно таким же юношей, да, двадцать лет, не меньше, потому что Егору Панкову стукнуло 37 и «просвистал» он свою молодость... Однако и теперь еще все в нем молодо, все, начиная от его смуглого, красивого, мужественного лица и кончая чисто ребяческим увлечением, которому он предался всю свою доброй открытой натурой...

На все в жизни, не исключая своей кухарки, старухи Катюшки и легавой суки, Панков смотрит несколько с философской точки и мирится со многим, хотя мне положительно известно, что он терпеть не может узких брюк, кошек и пол-

ковых писарей. Кто знает Панкова, тот не в силах не полюбить в нем русскую теплую душу с открытым воротом; в душе этой столько человечности и безукоризненной честности, что даже некоторые странности и причуды, часто свойственные каждому человеку, в нем как-то мягче...

Словом, Егор добрый малый, но своего рода «кулик», один из тех куликов, которым «и дым отечества и сладок, и приятен». Я не хочу сказать этим, чтобы Панков был хулителем всего неотечественного, нет, но он делался угрюм и зол, и больше всех почему-то на самого себя, при соприкосновении к некоторым несовершенствам нашего дорогого отечества. В нем нет ненависти к «немцам» потому лишь, что они «немцы», и его честная славянская натура чужда пристрастия, он только, как каждый русский душой и телом, стоит за богатыря – свое отечество богатыря, в котором проснулись далеко не все еще молодецкие силы...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.